

Летопись политеха

Студенческим стройотрядам - 45 лет Мой первый студенческий строительный отряд

Из цикла «Стройотряды. Правдивые истории»

В середине 50-х годов, когда в нашей стране начался подъем целинных и залежных земель, студенты советских вузов во время летних каникул отправились в Казахстан, чтобы помочь жителям в строительстве жилых домов.

Сначала это шефство складывалось как общественные новации.

К 60-м годам начался новый этап в развитии форм участия студенческой и учащейся молодежи в общественно-производительном труде – создание студенческих строительных отрядов (ССО).

В мае 1965 года в политехе был организован первый стройотряд, бойцы которого отправились в Тюменскую тайгу строить дома для геологов. Так что для ССО нашего вуза это, хотя и не круглый, но юбилей. И сегодня стройотрядовское движение активно возрождается.

В мае 1965 года, когда я почти готов был считать себя не «салагой», а второкурсником машфака, после последней пары в лекционную амфитеатровую аудиторию главного учебного корпуса, ярко освещенную весенним солнцем, запыхавшись, влетел розовощекий комсомольский секретарь Саня Кузьмин и радостно заорал: «Мужики! Ура-а-а! В Тюмени нашли нефть!»

Мужики, которых было большинство среди студентов первого курса машиностроительного факультета Волгоградского политехнического института, радостными воплями поддержали своего лидера по комсомольской линии, который продолжил агитацию: «Нужно ехать в тюменскую тайгу, строить дома для геологов! Кто желает, может тут же записаться в бойцы ССО – студенческого строительного отряда». Все бросились записываться, я тоже. Но меня не взяли – 18 лет мне исполнялось только в конце года. Я рано пошел в школу, рано поступил в институт, и это, казалось бы, возрастное преимущество превратилось в мгновение ока в серьезный недостаток. Обидевшись на своих однокашников, которые были старше меня лет на шесть-семь, отслужили перед институтом в армии или во флоте, или поработали на заводах, я отправился искать временную работу в городе. У меня был разряд слесаря механосборочных работ, который я получил как студент нефтяного техникума, работая практикантом на заводе нефтяной аппаратуры им. Петрова. Работу я нашел достаточно легко, устроившись слесарем в ремонтно-механический цех Волгоградского завода медицинского оборудования.

Осенью мы встретились – те, кто остался в городе и те, кто отправился в тюменскую тайгу. «Тюменцы» привезли огромное количество фотографий. На них они валили вековые сосны, осушали болота, рубили двухэтажные бревенчатые избы, ходили на охоту и при всем при этом еще и зарабатывали деньги. Правда, деньги были небольшие. Если я, работая слесарем с восьмичасовым рабочим днем и двумя выходными в неделю, за месяц заработал 120 рублей, то «тюменцы», вкалывая по 12-14 часов без выходных, привезли за два месяца 370 рублей. Скорее всего, их обманули ушлые десятники, видя полное отсутствие у студентов строительного опыта. Но романтические рассказы о стройотрядовых делах, тем не менее, возбудили во мне страстное желание отправиться в тайгу, попробовать свои силы в строительном деле.

Весной следующего года я в первых рядах бросился записываться в бойцы ССО. Запись вел мой одноклассник Саша Попов. Он был существенно старше меня, имел опыт работы в строительстве и был назначен мастером нашей части общего большого политеховского отряда, который направлялся в поселок Назарово Урайского района Тюменской области. Саша скептически оглядел мою худосочную фигуру (при росте 178 см я боксировал во втором полусреднем весе – до 63,5 кг) и сурово предупредил меня, что если я буду сачковать, т.е. отлынивать от тяжелой работы, то мне будет, несмотря на дружеское ко мне отношение, высказано «фэ», и я вылету из его отряда, как пробка из бутылки шампанского. Я согласился на эти прекрасные условия, и был внесен в списки.

Поскольку эти первые политеховские отряды имели весьма приблизительное понятие о всесоюзном студенческом строительном отряде, от них действительно веяло романтикой. Еще Центральный комитет Всесоюзного ленинского коммунистического союза молодежи (ЦК ВЛКСМ) не ухватил в свои руки эту золотодобывающую жилу. Это произойдет несколько позже, когда стройотряды обложат московской данью (отработай один день в комсомольскую копилку или хотя бы отстегни 10 рублей туда же), будет создана иерархическая структура управления, которую нужно было кормить (а покусать, в широком смысле слова, она любила хорошо). Пока эти отряды на местном уровне организовывали такие же парни, как и мы все. Они не руководили из Москвы через своих агентов влияния (так называемых инструкторов райкома, обкома, ЦК), а ехали вкалывать от зари до зари вместе с нами, рядовыми бойцами ССО. В этом году комитет ВЛКСМ Волгоградского политехнического института возглавил студент третьего курса машиностроительного факультета, бывший флотский старшина второй статьи, подводник и романтик Саша Плотников. Он тоже поехал в тюменскую тайгу.

Позже, спустя много лет, будучи доктором технических наук, профессором того же факультета, он напишет такие строки:

Я тогда не очень понимал тонкости происходящего, что такое романтика, что такое тяжелый физический труд, но активно включился в подготовку к поездке в Сибирь в составе отряда с романтическим названием «Ермак».

Согласно договоренности с руководителями леспромхоза, где нам предстояло работать, нужно было обеспечить себя рабочей одеждой, сапогами, незаменимыми на стройке, а также топорами, которые являлись дефицитом для сибирского региона.

Придя домой, я радостно доложил родителям о моем последнем достижении – я уже боец строительного отряда, который сразу же по окончании летней сессии отправится в Тюменскую область, и для этого мне нужно приобрести кирзовые сапоги, какую-нибудь прочную рабочую одежду и топор без топорщика. Эта весть почему-то не вызвала радостного возбуждения, аналогичного моему, у папы и мамы. Скорее, наоборот. Отец насупился и сказал, что мне делать нечего, поэтому я и схожу с ума... Мама тут же начала меня отговаривать от поездки методом запугивания. «Там, в этой страшной Сибири, – говорила она, – жуткие морозы». «Какие морозы? – возражал я, – в летние месяцы?» (Как я ошибался, но об этом позже). «Там много комарья», – теоретизировала мама, зная мой характер, без

особой надежды на успех.

Лучше сибирский климат знал мой отец. Причем не понаслышке. Как капитан военно-воздушных сил Красной Армии он участвовал в Великой Отечественной войне с 22 июля 1941 по май 1945 года. Будучи начальником химической службы авиационного полка штурмовой авиации, заслужил боевые награды за оборону Сталинграда, за взятие Кенигсберга, за 12 боевых вылетов на штурмовике ИЛ-2 в качестве стрелка-радиста. А в марте 1953 году за 2 дня до смерти товарища Сталина он взамен боевых орденов получил очередную «награду»: 10 лет исправительно-трудовых лагерей по 58 статье УК РСФСР – как зэк строил нефтеперерабатывающий комбинат в городе Омске. В конце 1955 года отец был выпущен на свободу с формулировкой «...в связи с недоказанностью обвинения», а в 1992 году его признали невиновным.

Тем не менее, отец меня поддержал, помог купить топор, сапоги, большой рюкзак, бэушные гимнастерку с армейскими брюками галифе и новую материю для портянок.

Наконец, успешно сдана летняя сессия. В зачетке оценки тянут на повышенную стипендию, и я с предвкушением новых впечатлений, с новым рюкзаком, заброшенным на третью багажную полку, с моими товарищами по институту еду в купейном вагоне в Свердловск. Там пересадка на другой поезд до Тюмени. Из Тюмени самолетом до поселка со странным названием Урай. Здесь мы заночевали в каком-то сарае, мало приспособленном для жилья, а рано утром нас разбудили наши командиры и привели на берег какой-то реки, где мы очень быстро были загружены в трюм самоходной баржи. Несмотря на мелко морозящий всю ночь и все утро дождь досыпать в брюхе этого транспорта было совсем невозможно. Заели комары. Тут я очень быстро вспомнил мамины причитания по поводу моего путешествия и решил, что родителей нужно слушаться. Из каждого, даже трудного положения умный человек всегда может найти выход (мудрый вообще не попадает в трудное положение). Я оказался умным. Еще не использованными портянками я обмотал голову, шею и все другие открытые части тела, и уставший от длительной дороги молодой организм моментально заснул на какой-то совершенно не удобной для отдыха шконке.

Баржа медленно двигалась вверх по течению реки Конды, которая, как выяснилось позже, впадала в Иртыш. Ранним утром мы подошли к месту назначения – поселок Назарово. Чуть выше по Конде были поселки Шаим, Полушаим. Тогда первой в Тюмени нашли шаимскую нефть.

Дождь прекратился. Выглянуло солнце. Мысли о неверности моего поступка отошли куда-то на второй план. Начиналась новая жизнь. Местная власть поселила нас в старой одноэтажной рубленной из бревен школе, были определены объекты строительства. Отряду в 36 человек предстояло построить новую школу, овощехранилище, общежитие и перенести на новое место щитовой финский дом. Я попал в бригаду из 10 бойцов, которая должна была строить школу. Цель благородная. С вводом этого объекта в эксплуатацию местные детишки могли окончить восьмилетку. До этого в селе была только начальная школа, в которой мы и жили.

Первым делом стали готовить инструменты (топоры). Нам выдали огромные, с метр длиной, березовые грубо рубленные топорщица. Из них нужно было сделать удобные топорщица под топоры, привезенные из дома. Плотницкие топоры обычно небольшого размера, чего нельзя было сказать о топоре, купленном мной. Это был гигантский топор, предназначенный для рубки огромных деревьев на лесоповале. Естественно, что как человек совершенно неискушенный в плотницком деле, я поленился потрудиться над топорщицем, ограничившись тем, что просто отпилил его, как мне казалось, на размер более подходящий. В дальнейшем это привело сначала к кровавым мозолям, а затем к такому огрублению кожи рук, что спуск по веревке с крыши строящегося дома не вызывал никаких неприятных ощущений. Рукам было просто тепло от трения о веревку.

Бригада была разбита на пары. Причем в каждой паре более опытный боец был наставником молодого и менее опытного. Моим наставником стал мой друг Юра Бурлаков. Юрий Михайлович умел делать все. Он брался делать даже то, что не очень умел. Но, в конце концов, у него все получалось. Это был замечательный наставник. Комиссаром нашего отряда стал мой одноклассник, бывший классный морской радист, пришедший в институт после срочной службы на Черноморском флоте младшим лейтенантом, коммунист Коля Черемушников. Мы уважительно звали его Николайпалычем.

Режим был не из легких. Наш главный бригадир (бугор) Саша Попов, дабы держать в тонусе молодежь отряда, каждый день многоэтажным матом поднимал нас в 5:30 утра за полчаса до официального подъема и гнал на речку принимать водные процедуры и таким образом взбодриться для трудовых подвигов. Уставшие от постоянного напряжения при таскании тяжелых бревен пальцы рук по утрам не разгибались, их надо было разминать. Надо сказать, что ежедневное моржевание неукоснительно выполнялось нами не только до конца августа, а в этих северных местах припой льда на реке образовывался уже где-то к середине августа, а и по возвращению домой в Волгоград, но уже в Волге вплоть до конца декабря. Так что мамины предсказания по поводу сибирских морозов не очень-то разошлись с действительностью. Наверно, со стороны наши купания выглядели довольно странно. Местные жители, в телогрейках и шапках-ушанках, проплывая рано утром на барже на работу, как-то странно поглядывали на этих так называемых «южан». Мало того, что они вкалывают с утра до вечера, но еще, вот чудики, в такую холодину, придя на берег, скидывают свои ватные фуфайки, опускаются с обледеневшего бона в ледяную воду Конды, и спокойно, отталкивая проплывающие мимо льдинки, намыливаются 70-процентным хозяйственным мылом, как будто они в обычной бане.

К 6:30 мы уже бодренько мчались на завтрак, состоящий из большой полной с названием «Общепит» тарелки первого блюда, такой же тарелки второго блюда, например, каши с мясом и пары стаканов чая.

В обеденный перерыв для восполнения затраченной энергии я в легкую съедал по две тарелки первых и вторых блюд и по три стакана компота. Ужин в 21:00 полностью повторял завтрак.

Однажды к нам приехали корреспонденты местной комсомольской газеты, дабы сделать репортаж о трудовых буднях волгоградского студенчества. Как на грех я задержался на объекте и пришел обедать после всех. На камбузе, так по-морскому мы называли нашу столовую, кроме этих обедающих корреспондентов уже никого не было. Я достаточно быстро справился с двумя тарелками супа, которые налила мне наша повариха Валя.

Но когда я принялся за вторую полную тарелку пшенной каши с говяжьим гуляшом, то краем уха уловил, что корреспонденты бросили еду, то есть перестали стучать ложками. Из угла, где они сидели, раздавался сдавленный шепот. Один говорил другому: «Смотри, смотри, сколько этот парень ест!» Действительно, я был достаточно худ, и со стороны было непонятно, как такое количество съестного во мне помещается.

Оторопелость корреспондентов тешила мое самолюбие. Мол, знай наших. И поэтому я решил попросить еще немного добавки. Тут тщеславие и погубило меня. Поскольку все уже поели, то щедрая повариха Валя насыпала добавки по объему соизмеримому с суммарным объемом съеденных перед этим двух порций. Отступить было некуда. Я приступил ко второй трапезе. Корреспонденты забыли про свою еду и молча смотрели, как я справлялся с пищей. Это было достаточно трудно. Закончив есть, я выбрался из-за стола и не спеша поковылял к спальному помещению. От обеденного перерыва оставалось минут пятнадцать. Когда я опустился на свою раскладушку, у меня потемнело в глазах. Нет, мне не стало плохо. Просто мой огромный живот заслонил исходящий из окна свет.

Строительство школы мы начали с нулевого цикла. Это разметка зоны стройки, рытье ям под фундаментные вертикально поставленные осмоленные бревна (стулья), постановка первого венца (окладника) из массивных бревен. Затем мы начали ставить стены из бруса. Нам с Юрой досталась самая длинная стена школы, но мы справлялись. По мере роста школы поднимались леса. Наконец добрались до перекрытий, затем подстропильные балки, стропила, не совсем понятный строительный термин «мауэрлаты», обрешетка и крыша. Ура! Мы это сделали! Школа построена. Но нужно сделать крыльцо у входа. И Саша Попов поручает это мне. Я, привыкший к тому, что мы работаем в паре, что всегда со мною рядом мой надежный товарищ, который всегда подскажет, поправит, если что не так. А тут, иди, делай крыльцо. Как его делать? Я никогда не делал крылец. Тут я получил совет, который пригодился мне на всю жизнь: глаза боятся – руки делают! «Пойди, – говорит Саша, – по селу, посмотри, как сделаны крылечки в домах местных жителей, и по образу и подобию придумай, как сделать крыльцо для школы». Так я и поступил. На следующий день крыльцо было готово. Я страшно им гордился.

Для сдачи построенного объекта на оценку «хорошо» необходимо было снять леса и расчистить окружающую территорию от строительного мусора. Мы с удовольствием включились в эту уже слишком для нас легкую работу, приближающую день возвращения к родным пенатам. Но тут произошла странная цепочка событий, несколько омрачившая наш отъезд.

Все началось за несколько дней до окончания строительства. Я обладаю хорошей памятью, в том числе и зрительной. В московском метро, например, при огромном столпотворении народа, мне удается сразу выделить знакомые лица, но этого человека, нашего же стройотрядовца, с которым много дней мы провели бок о бок, я не могу вспомнить ни сейчас, ни сразу же после описываемых событий. Осталось только общее впечатление о бородатом индивидууме лет 25-ти, со смурым холодным взглядом, смотревшим исподлобья, и от которого исходила странная энергия. Скорее всего, этот человек обладал какими-то, как сейчас говорят, экстрасенсорными способностями, поэтому в дальнейшем будем называть его Экстрасенсом. Героями этих событий были два наших студента, два Юры: бывший военный моряк Юра Смирнов и самый молодой стройотрядовец Юрка Вышемирский (ему только-только исполнилось 18 лет).

День клонился к вечеру. Часть ребят тянулась с других объектов на ужин, Вышемирский снял порядочно истлевшую от пота и солнечных лучей рубашку, расстелил ее на лежащем бревне и лениво рубил своим топором. Мимо проходил Экстрасенс и, косо посмотрев на рубящего, невнятно, как бы в сторону пробормотал: «Не руби рубашку – себя порубишь...» Эту сентенцию слышал и я, и работавшие рядом со мной друзья, но не обратили на нее особого внимания.

Однако, на следующий день Юрке предстояло тесать бревно для половой лаги. Поскольку он был человеком молодым, то считал соблюдение правил, о которых постоянно напоминал бугор, необязательным. На этот раз он нарушил сразу несколько правил. Во-первых, топор был недостаточно острым. В отличие от Юрки я всегда держал в кармане оселок и заправлял лезвие топора по несколько раз на дню. Во-вторых, протеску бревен, по технике безопасности, следует вести, находясь на противоположной от протесываемой поверхности стороне бревна. Так не очень удобно, поэтому у Юрки бревно находилось между ногами. Бревна нам сплавляли плотогоны по реке, и влажность их была достаточно высокая. Сочетание нарушения техники безопасности, неточного инструмента и мокрого бревна привело к тому, что в какой-то момент топор скользнул по мокрому камбию и ударил по коленной чашечке рубщика.

Травмированному была оказана первая медицинская помощь, а вечером морячок Смирнов из подручных материалов стал для него мастерить вполне приличные костыли. Мимо опять проходил Экстрасенс и так же, как и в прошлый раз, пробурчал, что, мол, зря делаешь костыли, мол, для себя делаешь. Моряк, отслуживший в советском флоте четыре года, где

каждый день доблестные замполиты проводили занятия по марксистко-ленинской подготовке, конечно же, не верил во всякие предсказания, а, кроме того, не мог себе представить советского моряка в кирзовых сапогах, которые мы все носили в соответствии с той же техникой безопасности. К этому времени его военно-морские ботинки от старости и тяжелой нагрузки развалились, и Юра в местном магазине сельпо купил себе тапочки на резиновом ходу, тем более, что осталось работать дня два, не более...

Но уже на следующий день Смирнов, неся вторым номером носилки со строительным мусором, наступает на двухсотмиллиметровый гвоздь, торчащий из валявшегося на земле обрезка доски и прошивает насквозь и тонкую подошву купленного тапочка и стопу ноги. К вечеру нога распухает до невообразимых размеров, температура поднимается почти до сорока градусов - заражение крови. Медицина в поселке представлена молодой медицинской сестрицей, у которой из медикаментов только бинт да йод. Наш отрядный врач Володя Дьяченко, по кличке Дикой, только недавно бросил учебу в политехе и поступил учиться в медицинский институт на стоматологический факультет и мало представлял, что нужно делать при таких травмах. Поэтому вечером Смирнова срочно на полуглиссере начальника лесопункта (главы местной администрации) отправили в больницу райцентра. Сбылось второе предсказание, когда мы возвращались домой. Ранним утром наша самоходная баржа (та самая, которая двумя месяцами ранее доставила нас в поселок Назарово) подходила к пирсу райцентра Урай. На берегу в одном кирзовом сапоге (вторая забинтованная нога в сапог не влезала) на своих же костылях нас встречал радостно улыбающийся Юра Смирнов. В Волгоград мы смогли по разным причинам вернуться только через несколько дней. К этому времени Юрина травма совсем зажила, и в Волгоградском аэропорту, сойдя по трапу, он выбросил сделанные им костыли, запустив ими по бетону взлетно-посадочной полосы, как битами при игре в городки.

Так что, хотите - верьте, а хотите - нет, а предсказания (всякие), как правило, сбываются...

Октябрь 2010.